

Любовь

Машкова

СЧАСТЛИВЫЕ ВРЕМЕНА

Письма к дочери

ПЕРВОЕ.

Выдохну легонько:
 Оля – Оленька.
 Прозвонит звоночком
 Мне навстречу дочка.
 Легким облаком
 Закружит около.
 Ветерок дразнится –
 Очень Оля нравится.
 Травы шепчут в поле:
 – О-ля, О-ля.
 Свечечкою тоненькой
 Светит моя Оленька.
 Заслону ладонями:
 Бури бы не тронули.

Доченька моя, доченька, не очень-то тебе повезло – появиться на свет у таких молодых родителей. Отцу твоему исполнился 21 год, мне в ноябре – 19, а в декабре родилась ты. Крохотулечка, 2 550 весом – на месяц раньше срока. Это я на первой нашей съемной квартире в частном доме умудрилась свалиться в погреб, где сушили картошку. Едва руками до края его достала. Казалось, обошлось. Но не совсем.

Еще с вечера мы с Сеней лепили бумажные цепи для украшения новой съемной квартиры к Новому году – полупустой, двухкомнатной, в холодном кирпичном доме, а в шесть утра 29-го – бах – началось. А в 10.30 ты уже появилась на свет. Чудо мое, Новый год мы с тобою встречали в роддоме. 31-го в двенадцать ночи впервые принесли тебя кормить. Новогодний подарок! Кормление – единение. Если до этого были только боль и страх (что будет с институтом, как родители примут), то здесь уже только нежность и уверенность: все будет хорошо. Семен устроится на работу, он будет учиться на вечернем отделении, а через пять лет

на «полтиннике» (оборонный завод в Свердловске) нам обещали дать квартиру. Выживем!

Но пять лет в юности – огромный срок. Осенью в Свердловск приехал Мирон, брат твоего отца и, застав нас в промерзающей по углам времянке, не прогреваемой дымящей печуркой, предложил переехать в Темиртау, где пустовала однокомнатная квартира его жены Надежды. И хотя внутренне я понимала, что ехать надо, чтобы не загубить дитя, все же спросила про Темиртау: какой он? Оказалось, в городе ходят трамваи. Ходили они и в Свердловске, что было для меня признаком цивилизации. Ведь в районном городке Тавде, где я окончила среднюю школу, даже у автобусов было всего два-три маршрута.

29 октября 1971 года с тобой десятимесячной мы высадились на железнодорожном вокзале в Караганде. Часа полтора ехали через пустынную бесснежную степь на автобусе до Темиртау. А в Свердловске уже по щиколотку лежал снег. Надежда Урбан встретила нас сурово. Но вкусно накормила с дороги. Ты тихонько сидела на зеленом паласе в их гостиной, ты вообще могла долго сидеть, занимаясь игрушкой, книжкой, самой собой. Подошедшая полуторагодовалая Лерка толкнула тебя легонько, ты упала навзничь. Так состоялось ваше знакомство.

У истории, в том числе и человеческой жизни, сослагательного наклонения (что было бы, если бы), как известно, нет. Я не знаю, как сложилась бы жизнь нашей семьи, если бы мы остались в любимом нами Свердловске – Екатеринбурге, университетском городе, промышленной и культурной столице Уральского края, привольно лежащего среди гор, лесов, озер.

Но так получилось, что десять лет мы прожили в Темиртау. Здесь происходило становление нашей семьи. Город был рабочим, но он не был мешанским, он развивался сам и предоставлял возможность развиваться своим молодым жителям. И я благодарна этому городу, в котором крепили мои поэтические и журналистские способности, где столько прекрасных людей помогало мне, воспитывало, образовывало. Где я начинала в радиогазете на строительстве Казахской Магнитки. Где у Григория Федоровича Григориади занималась в литобъединении «Магнит», впервые узнавая имена Ахматовой, Гумилева, Мандельштама, Цветаевой. Где я открывала художественный мир в выставочном зале с искусствоведом Риной Лаврентьевной Мещеряковой. Где проявился упорный характер твоего отца, который, несмотря на все трудности быта и тяжелую трехсменную работу на металлургическом производстве, с отличием защитился в институте. Кстати, в том самом заводе-втузе, который окончил наш президент Н. А. Назарбаев, и партийный билет Семен Хан получил с его подписью – секретаря парткома Карметкомбината. Казахская Магнитка – колыбель моя...

Конечно, с позиций сегодняшнего дня и наших тепличных детей у тебя было трудное, такое же «трехсменное» детство. Но таким оно было в рабочем городе у многих детей. Уже в годик мы отдали тебя, такую крохотулю, в садик, – мне надо было начинать работать. Помню это наше первое утро по дороге на автобус: ветер сносил нас, и приходилось цепляться за какой-нибудь столб, чтобы передохнуть. А после Нового года я устроилась в соседнюю школу № 20 лаборанткой в кабинет химии. К весне тяжело заболела учительница химии, и я стала вести этот не любимый мною предмет в 5–10-х классах. Ведь у меня было два курса железнодорожного института (с несданным хвостом по высшей математике

профессору Азлецкому). А еще стала классным руководителем в 9 «А» классе. В двадцать лет!

Уже к весне у тебя одно за другим начались воспаления легких. Три подряд. Тебе грозила хроническая пневмония. Нам предложили поменять климат. А мы уже встали в очередь на квартиру. И Семен не хотел ехать к моим родителям в Бобруйск. Да и я тоже. Нам надо было учиться. В мае приехала моя мама, чтобы забрать тебя к себе. Помню, как мы провожали вас в карагандинском аэропорту. Ты, плачущая на руках у мамы в желтеньком пальтишке, еще долго стояла у меня перед глазами, как и переметаемое ветром взлетное поле. Неужели я тебе никогда этого не рассказывала? Но ведь не так уж много времени у нас с тобой было, чтобы рассказать друг другу о себе. Думала, вот уйду на пенсию, будем с тобой заниматься домом, будет куча свободного времени – тогда и наговоримся. Помнишь, ты подростком просила: мам, расскажи, какой я была маленькой. Вот я тебе и рассказываю – и о тебе, и о себе. Наверное, письма будут длинные. Ну да я ведь не по электронке тебе пишу. До завтра, солнце мое.

ВТОРОЕ. Боже мой, какое это все же безумие – в 18 лет выходить замуж! Отец слышать не хотел обо мне: я первая в нашем роду поступила в институт, они с мамой гордились мною, а я «выскочила» замуж. Другого слова этому поступку не было. Сердобольная мама украдкой посылала нам деньги, помню нашу радость, когда пришла посылка с салом и пакетированными супами (с вермишелью звездочками!) от сестры отца Любы, тоже живущей на Урале. Отец оттаял, только когда увидел меня с тобой – худюшую – на вокзале в Бобруйске. Тебе было шесть месяцев, и мы ехали с тобой трое суток в поезде с тетей Галей, женой маминого брата Жоры, навещавшей в Тавде свою маму. Сохранилась фотография того нашего лета в родительском доме, где я получила небольшую передышку.

А в нашей съемной свердловской квартире зимой температура за ночь понижалась на десять градусов. И я включала утром калорифер, чтобы покормить тебя грудью. А потом начинала топить печь, и руки у меня были черными от угля, а надо было стирать пеленки, варить кашку... Только весной мы начали выходить гулять. И я помню, как оставляла коляску с тобой у магазина, чтобы быстрее-быстрее без очереди купить молока. Твою бело-зеленую коляску за 45 рублей – наша первая семейная покупка!

Все три года, что ты была в Бобруйске, мы каждое лето в отпуск ехали к вам. Помогали семье, как могли, в летних заготовках в лесу, в огороде. Сколько тогда было грибов в белорусских лесах! Мхи полыхали оранжевым от лисичек! Дачи тогда еще не было, а был огород на Березине. Поработав, мчались купаться к реке. Поиграть в футбол. Вот только берег был весь в яминах да кочках, о чем я и сказала папе. А он так посмотрел на меня, да и говорит: это же окопы от войны. Боже мой! Я оглянулась на тебя, маленькую, оставленную в такой же заросшей травой ямке, где ты весело играла со своими куклами. В страшных, глубоких окопах до сих пор лес и у нашей дачи в Доманово. А о своем пребывании в немецком концлагере Дессау, куда его угнали подростком, папа не рассказывал. Знаем только, что выжил он благодаря тому, что работал на военном заводе с пленными французами, получавшими помощь через Красный крест и подкармливавшими его. И не любил, когда мы с Надеждой в День Победы пели песню, что нам нужна одна Победа, «мы за ценой не постоим». Из кинофильма «Белорусский вокзал».

Родители мои, твои любимые папа Костя и мама Шура, не смогли после войны учиться. Не пойдешь же после трех пропущенных лет в школу! Да и семье надо помогать. Три бесконечно долгих года была Беларусь в фашистской оккупации! Папа на базе довоенной школы окончил ремесленное училище, выучился на столяра-краснодеревщика, работал в Бобруйске на знаменитой мебельной фабрике имени Халтурина. Какой раздвижной круглый деревянный стол с резной ножкой сделал он в наш новый тавдинский дом, а еще комод, который до сих пор стоит на родительской даче! Папа за жизнь сам поднял четыре дома: один в послевоенной Василёвке, куда они с мамой перебрались к ее родителям из города. Второй – в Тавде, в этом доме кроме нашей семьи оперились и родительские сестры. Третий – в Бобруйске, куда семья после моего поступления в институт перебралась на постоянное жительство. И четвертый – дача в Доманово.

А мама вообще осталась с пятью классами довоенной школы, хотя училась очень хорошо. Но лучше всех учился семнадцатилетний Петя, погибший в начале 1943 года при разгрузке угля на Березине. Мамина семья с приходом немцев в деревню ушла в беженцы за реку, в леса, примкнув к партизанскому отряду, с которым была связана с первых месяцев войны и где двенадцатилетняя девочка стала, по сути, связной. А потом работала она вышивальщицей в артели, пока глаза не испортила, в замужестве – дояркой, свиначкой в колхозе. И в Тавде у нас была корова, приносявшая ежегодно телка, поросенок, куры, огород, чтобы трое детей не голодали. Это было главное для наголодавшейся в войну мамы. При этом мама еще работала нянечкой в санатории под Тавдой. Со своего подворья тогда жила вся страна, только вот Хрущев, затевавший реформы, об этом не знал. Много и тяжело работавшие в жизни, родители хотели, чтобы дети «вышли в люди», чтобы они выучились, и все силы отдавали этому. И мне очень надо было перед ними оправдаться.

Как только я окончила в утешение родителям вечерний строительный техникум, мы забрали тебя в Темиртау. И тут же в сентябре я поступила в КазГУ, на заочное отделение факультета журналистики. Шел 1975 год. Мне было уже 24 года. Мне надо было торопиться. К тому же нам с Семеном казалось, что в свои четыре с половиной года ты уже большая, и я безбоязненно оставила тебя с отцом, уезжая на установочную сессию на целых сорок дней. Когда у тебя появилась доченька Александра, а потом и мальчики, я смотрела на них, таких маленьких в этом возрасте, и все время думала о нашей молодой бесстрашии. Но как-то же нас Господь тогда хранил... И еще я знала, что мой Семен очень ответственный, работающий, заботливый, очень любящий тебя отец. И вы справитесь! Хотя ты и встретила меня после первой сессии словами: «Мама, а ты сваришь кашу?» А до этого не очень-то ее любила. Оказывается, всю осень вы на ужин ели арбузы, полосатыми тигрятами лежавшие по всему городу в металлических сетках-кубах. А как-то на зимнюю сессию ты прислала мне письмо в стихах, где жаловалась на отца: «Он говорит, не надо лыжи, уже кончается зима. А знаешь, мой хороший рыжий, мне очень скучно без тебя».

Наверное, я недодавала тебе внимания. Ведь после газеты «Строитель» с третьего курса университета я уже работала заводделом культуры, быта и спорта в «Темиртауском рабочем» и, значит, должна была освещать культурную жизнь города. А это вечерние концерты, спектакли открывшегося в Темиртау Карагандинского театра музыкальной комедии и базировавшегося в городе Немецкого

театра, это беспокойная жизнь ледового Дворца спорта и Дворца культуры металлургов и его народных коллективов самодеятельности, это выставки в городском выставочном зале и разные рейды по городской социалке...

И студенткой я была добросовестной. Мне ведь не только диплом был нужен. Я хотела все знать. И помню, когда ты сама возвращалась из садика или из школы, я уже сидела за рабочим столом дома, делая контрольные, курсовые или крапая материал для газеты. Или стихи. А отец помимо института, трехменки на Карметкомбинате, еще бегал в художественные мастерские...

В 1976 году магнитовцы приняли участие в Первом республиканском совещании молодых писателей в Алма-Ате. Нам предложили собрать коллективный сборник, что мы и сделали по приезду домой. Он вышел в только что организованном молодежном издательстве «Жалын». Его редактором была Надя Чернова. К тому времени и относится наше с ней первое знакомство. Мои стихи были замечены и на семинарах совещания, и в коллективном сборнике, появились рецензии в республиканской печати. Я начала собирать свою первую книжку...

Тогда мы не думали об этом, Олечка, но, наверное, тебе было нелегко с нами после размеренной, уютной жизни в бобруйской семье. Но ведь и нам было трудно. Но мы состоялись. И благодаря этому состоялась ты! Не так ли? Я бы еще поговорила с тобою. Дети спят. Но завтра трудный день.

ТРЕТЬЕ. Знаешь, сегодня вспомнила такую безумную картину – еще до твоего отъезда с мамой в Бобруйск. В Темиртау приехал Стрельцов, знаменитый футболист. А отец твой был страстный болельщик – и в футболе, и в хоккее. И мы решили, усыпив тебя, пойти на стадион. Благо, он был недалеко. Боже мой! Когда мы вернулись, не досмотрев матч, твои ножки свешивались из ячеек сетки, которой была затянута кровать, сама ты, наревевшись, только всхлипывала, бедная, в мокрых своих ползунках. Вот такие мы были родители – сами еще дети. Сравнить ли это с детством Никиты, Гоши, да и Сашеньки, окруженных мамками-папками, няньками, бабушками-дедушками... А у нас в Свердловске вообще никого не было – руки подставить. Да и в Темиртау – только семья Мирона, правда, по необходимости помогавшая нам. У них отец оставлял тебя, когда я была на сессии, а он работал в первую смену и шел в вечерний институт, который был неподалеку от их дома.

Ты была очень ласковым ребенком. Беспроблемным и самодостаточным. Ты сама ходила в детсад в нашем дворе, где тебя очень любила твоя воспитательница. Ты была отличницей в темиртауской школе, помогая своей учительнице Вере Отговне проверять тетради других детей. Помню, как-то после очередной отцовской помощи в ремонте вашего класса, он возмутился, что почему-то родители двоечников не ходят в школу помогать. А ты так спокойно сказала: «А у них ручки болят. Ведь они каждый день наказывают своих детей».

Лишь один раз я хотела тебя наказать. Вы с твоей бесшабашной подружкой из соседней девятиэтажки без спроса отправились на коньках в Ледовый дворец. То есть не снимая коньков, на трамвае, перебираясь на остановке через рельсы. Ужас, когда я представила весь ваш этот поход... Еле переступая, поднялась ты на наш третий этаж. Я расспросила, накормила, напоила тебя.

– А теперь, Олечка, я тебя накажу. Иди, носи ремень.

Ты посмотрела на меня влажными черными глазами олененка и послушно принесла самый тоненький ремешок. Сердце мое захолонуло. Я обняла тебя и заплакала от напряжения всего этого дня. И ты со мной, меня обнимая...

Ты с детства очень много читала, писала стихи. Но нам это казалось естественным. А чем еще должен заниматься ребенок? Помню, ты дружила с хорошей девочкой Валею с нижнего этажа. Вы любили играть в Тома Сойера и Гекельберри Финна, прочитав про героев Марка Твена. И ты сочинила стихотворение:

«Стоят у забора, в мальчишек играя,
С кудряшками – Оля, с косичками – Валя».

Университет я окончила в 1981 году, отец был уже дипломированный инженер, ты закончила три класса на отлично. У нас была дружная, ласковая семья. Мы вместе ходили на концерты, катались на лыжах, ездили на Самаркандское водохранилище на пикники. Помню, уже в Алма-Ате мы валялись втроем на диване, и ты, прижимаясь ко мне, говорила: «Мамусечка, как же я помещалась у тебя в животике?» Как мы были счастливы тогда, сами того не зная!

Но Темиртау становился нам тесноватым. И мы решили переезжать в Алма-Ату, где я училась, которую полюбила. Где завязались уже первые литературные связи, где был к тому времени родительский дом твоего отца, и где нам выделяли две комнатки на первое время. В начале лета я уехала на защиту диплома, а дипломную работу писала в квартире моей литературной мамы Руфи Тамариной. И вот, Оленька, человеческие нравы того времени: Руфь Мееровна и Михаил Гаврилович, уезжая на месяц в Дом творчества в Переделкино, оставили на меня свою трехкомнатную квартиру, прихватив с собой самую большую свою драгоценность – справки о реабилитации собственной (они познакомились в Джекказганском Степлэге) и родителей Руфи Тамариной. А украшений дорожке серебра Руфь вовеки не носила!

Между тем к нам в Темиртау приехала твоя бабушка Вера, с ней и папой Сеней вы и собирались переезжать в южный город. К тому времени твоя кошка принесла котят. Они лазили по занавескам, безобразничали, бабушка была в полном недоумении. Как вы потом с ними управились, кому раздали – не знаю. А вот целый чемодан пластинок – и музыкальной классики, и детских, и его любимого Магомаева отец твой не стал тащить в Алма-Ату. О чем мы потом все пожалели.

Странно устроен человек: на фоне стольких радостей и горестей помнить об оставленных «Временах года» Чайковского, «Втором концерте» Рахманинова, «Бременских музыкантах», «Алисе в Стране чудес» – удивительном спектакле Высоцкого, где он и актер, и поэт, и композитор. Как он нашу семейку сплывал своим юмором. Это настоящий самоучитель для желающих повысить юмор-уровень! Попугай Додо, орленок Эд, Белый Кролик, не говоря уж о Чеширском коте, Робин Гусе, самой Алисе и толстухе Мэри Энн: «Толстуха Мэри Энн была: / Так много ела и пила, / Что еле-еле проходила в двери. / То прямо на ходу спала...»

Надо будет в этом году на деревянном доме, как приедет Сашка, с мальчиками послушать этот спектакль. Интересно, как они отреагируют? Слушали ли вы его с ними? Ну, да я отвлеклась. Про наше житьё-бытьё в Алма-Ате напишу в следующем письме.

ЧЕТВЕРТОЕ. Лето 1981 года в Алма-Ате было занято обустройством на новом месте, в тесноватых после нашей квартиры двух комнатках по девять квадратных метров. Кухней нам в первое время служила прилепившаяся к кирпичному дому сараюшка, кое-как утепленная. Зимой в нашей кухне замерзала в ведре вода. Но мы как-то этих неудобств не замечали, нас окрыляла перспектива жизни в большом городе, интересной работы. Отец устроился в Научно-исследовательский институт технологии арматуры – ВНИИТарматур старшим научным сотрудником. Он занимался термонаплавкой, сотрудничал с институтом Патона в Киеве, ездил в командировки на «Запорожсталь» – крупнейшее металлургическое предприятие Европы. Наконец-то он мог уже работать не так тяжело, как в цехе металлоконструкций Карметкомбината, мог заняться своей любимой художественной скульптурой, пластикой малых форм. Одно время он даже вел секцию скульптуры для детей на заводе Кирова, там были печи для обжига керамики, и какие же удивительные настенные тарелки появились в нашем доме! Ты начала заниматься в секции гимнастики при институте. Но походила туда не долго – года два, стала подрастать, меньше гнуться, преподаватель была жесткая, и ты от нее ушла.

Я было зацепилась летом на месяц-другой в «Ленинской смене», но ставки не было, и с подачи Кайрата Бакбергена я оказалась в литературной редакции Казахского радио. Толепберген Абенович Тобагабылов, главный ее редактор, спросил, кого из казахских классиков и современников я знаю. А я плохо знала казахскую литературу, ведь я училась на Урале. Но, бывая в Союзе писателей, в журнале «Простор» и знаменитом «Каламгере», я была знакома с Сырбаем Мауленовым, Тахави Ахтановым, Олжасом Сулейменовым, Геннадием Толмачевым, Юрием Гертом, Морисом Симашко, Аскарком Сулейменовым, Дулатом Исабековым. Имена произвели впечатление. Меня приняли. Но господи! Я же никогда не дружила с техникой! У меня все выходило из строя – МЭЗы, «Репортер». Помню, когда мы еще были с отцом женихом и невестой, я на лето поехала из Свердловска к бабушке с дедушкой в Бобруйск (родители еще жили в Тавде). Мне очень хотелось купить подарок Семену – транзисторный приемник, они тогда только входили в моду. Он стоил 40 рублей. И столько же стоили шикарные черные лакированные туфли. Мечта! И все же я купила приемник, но в Свердловск его привезла уже неработающим!

Первый год на радио, пока я освоилась с техникой, был сплошным мучением. Приходилось оставаться допоздна, чтобы начерно смонтировать передачу, а значит, ты вечерами, доченька, оставалась с отцом. Порой вы сами придумывали себе ужины. «Ты всегда убегала от меня в свою работу», – этот упрек ты высказала мне, когда от тебя, уже больной, я убегала к компьютеру. Ведь надо было работать!.. А тогда билась я с техникой не одна – с Лидией Николаевной Садовниковой, моим добрым гением, но тоже газетчиком. Она приобщала меня к дисциплине, к обязательности. Это в газете можно материал передвинуть в другой номер, а на радио он стоит в сетке и, значит, должен быть в эфире! Ну, тебе-то, всегда работавшей на телевидении, это, как никому, понятно. А вот мне, газетчику... На радио тогда работали молодые Лариса Воронина, Тамара Калиева, Елена Брусиловская – будущий цвет отечественной журналистики.

Тем же летом я стала лауреатом республиканского фестиваля творческой молодежи «Жигер», мою фотографию поместили в «Казахстанской правде». Кон-

курс транслировали по телевидению. Вот он – глоток славы! У меня завязались творческие связи с ЦК комсомола, где мы вдохновенно писали с Надей Черновой комсомольские и пионерские речевки. По его линии у молодых писателей были интересные командировки. Не всегда я могла в них поехать. Например – по Транссибирской магистрали на БАМ! Но ведь и тебе знакома эта тяга к путешествиям, а теперь она в крови и у Сашули!

Мне всегда хотелось побывать на Дальнем Востоке, на Амуре, на Тихом океане. В Комсомольске-на-Амуре служил в армии отец. Именно туда – к сослуживцам – они с мамой отправились с восьмилетней мной и двухгодичной Надеждой в 1959 году из нашей деревни Василёвки. Но не доехали. Очутились, завербованные на Свердловском вокзале, в районном городке Тавде. Папа стал тянуть линию электропередач к тюменской нефти, так что где-то там есть и нашей семьи ведро черного золота. Но папа тосковал по Дальнему Востоку. И, выпив, всегда ставил пластинку «Амурские волны»: «Плавно Амур свои волны несет... Серебрятся волны... Серебрятся волны...» А еще «Шуми, Амур, шуми, мой батюшка» и «Бродяга к Байкалу подходит»...

Тебе удалось, конечно, больше поездить по миру. Как я радовалась твоим заграничным командировкам на «Хабаре» – в Японию, Германию, Корею, даже в Москву, поездкам с Айгулей, а потом и с семьей к теплым морям! Василёвка ведь наша – деревня кочевая. Два брата деда еще после Первой мировой уехали в Америку. И сам дед Федос с семьей искал лучшей доли на Украине, да наварвался на голод, потом они уехали в Сибирь, один его брат так там и прижился в Купино. А наши опять вернулись. Потом вслед за мамой и папой все очутились в Тавде. И снова Беларусь домой позвала. Вот и Надежда вернулась. Когда же меня спрашивают, не собираюсь ли за сестрой, отвечаю: «Я уж, где мои дети. Жизнь вдали от родителей прожила, так уж хоть оставшуюся – с детьми...» Так ведь, доченька?

Кстати, в суровые девяностые, когда народ опять сдвинулся с мест в поисках своего счастья, Надюша искала наших американских родственников даже через библиотеку Конгресса США. Но как-то тщетно. И вот случилась у нее командировка с казахстанскими нефтяниками к их коллегам, работающим в Мексиканском заливе, и она позвонила живущей в Штатах своей лучшей бобруйской подруге Люде Плоткиной, с которой делилась даже бельишком перед их эмиграцией (багаж Плоткиных застрял в Израиле, а они получили гринкарту в США), однако подруга не сделала ни одного движения, чтобы повидаться или перезвонить, и Надежда поняла, что американское счастье – не для нас.

ПЯТОЕ. Вернемся в наш тастакский дом. Мой ненормированный рабочий день, мои командировки, командировки отца – бедный наш ребенок, ты была бы совсем заброшена, если бы не наша жизнь в общем доме, большую часть которого занимала семья старшей отцовской сестры Любы Ли. И ты подружилась со своими старшими двоюродными сестрами Инной и Диной. Динка была старше года на два, и у вас были общие интересы. А тетя Люба другой раз и покормит тебя, и присмотрит. Она работала в детском саду здесь же, в Тастаке, и половину дня была дома. Спасибо ей, спасибо и бабушке Вере, оберегавшей нашу семью, помогавшей нам. Все-таки младший ее сынок Сеня, росший болезненным мальчиком, оставался ее любимцем всю жизнь.

История семьи твоего отца удивительна. Отец твой из корейского княжеского рода. Дед твой Борис, когда умер в Корее его отец (тогда Корея была единой), и все наследство перешло по закону к старшему сыну, решил через Китай пробираться в Советский Союз, где свершилась революция и все имели одинаковые права. И вот упорство человека, имеющего цель: он не только добрался до советского Дальнего Востока, но смог, не зная русского языка, получить образование и стать преподавателем математики, которым он и работал потом после переселения в Казахстан, где бы ни оказывалась их семья – в Копале, Уштобе... И всем восьмерым своим детям дал образование, причем пятерым – высшее! Мне кажется, в тебе с возрастом проявились и упорство деда Бориса, и молчаливое благородство бабушки Веры, ее бесконечное чадолюбие.

В родительском доме, начиная с мая, открывался летний сезон для всей многочисленной родни, стремящейся вывезти малолетних детей из тесных квартир на тастакское деревенское приволье. Ведь все братья и сестры твоего отца, кроме Евгения Борисовича, работавшего в Свердловске, жили в Алма-Ате. А кандидаты наук Евгений Борисович Хан и его жена Клара Петровна Цой преподавали в нашем УЭМИИТе, они и благословили нас на брак в своей маленькой квартирке студенческого городка – в домах профессуры.

Не очень-то радовали меня эти воскресные гости. При моем графике работы на выходные оставались все стирки-уборки. Было не до общения. Хотя мы с сестрами ладили. С Надей Мян еще с Темиртау, она училась в медицинском институте в Караганде и приезжала к нам. Как-то на майские праздники приехала со своим будущим мужем и младшей сестрой Тоней, тоже с женихом. Темиртау доброжелательно встретил их ласковой солнечной погодой и первыми пробившимися листочками, а уезжали они подобно отступающим под Москвой французам, гонимые пургой. Эти воспоминания до сих пор приводят их в веселое изумление, хотя ведь и в Алматы бывают природные майские катаклизмы. Так что им всегда хватало и собственного общения. Но и о нашем житье-бытье, и о моих успехах Любовь Борисовна периодически информировала всю семью на летних посиделках в нашем дворе под раскидистыми сливами.

Мужья Нади и Тони – Анатолий и Володя помогли Семену пристроить большую комнату к нашей части дома, доставать материалы помогал Гедык, муж Любы. Кухня утеплилась, хотя все еще мы отапливались печами. Приехавший папа Костя помог поднять крышу. Жить стало просторнее, можно было заниматься семейным уютом. Но на уют не хватало ни денег, ни времени. А мне все хотелось успеть. И в профессии, в которую я вступила довольно поздно. И в поэзии. И в том, чего я недополучила, так рано обзаведясь семьей. Я так тогда сломя голову неслась по жизни, что еще удивительно, как я ее совсем не сломала. Видимо, отмолила мама. Но спасти нашу разваливающуюся семью приехавшая в 1991 году на мое сорокалетие твоя любимая мама Шура уже не смогла. «Надо было родить еще одного ребенка, – говорила мама. – И семью бы сохранила. И Олечке не было бы так одиноко».

Теперь я думаю: а ведь к 70-м годам, когда образовывалась наша семья, стандартом стали семьи из трех-четырех человек – отец, мать и один-два ребенка. Нет, в СССР не запрещали, как в Китае, заводить «лишних» детей. Но вся общественная пропаганда исподволь настраивала на это. В кино успешные, романтические герои не были обременены детьми. И у всех моих друзей было по одному, максимум

– двое детей. Точно так же создавался культ женщины-профессионала в своем деле, работающей наравне с мужчинами. Любящая мать, хранительница очага отходила куда-то на задний план. «Три тополя на Плющихе»... Как не пожалеть эту бедную колхозницу, встретившую родную душу, любовь и не пошедшую за ней ради материнского, семейного долга?! Нравственная высота ее открывается с годами....

А ты, моя единственная доченька, говорила мне: «Мама, роди мне братика или сестричку». А я отвечала: «Ты же так любишь читать, а за малышом надо смотреть. А мне некогда». У тебя и на это был ответ: «Он будет лежать в колясочке, а я его буду качать, а в другой руке книжку держать», – и показывала, как ты это будешь делать. Потом сдавалась: «Ну, возьмем хотя бы котика или собачку». И котик у нас был – Черныш. Мы его очень любили. Когда его не стало, взяли собаку – Джина. Но он недолго у нас пробыл. Оказывается, у щенка не было прививки от чумки, а нас не предупредили... После этого потрясения я сказала, что больше никаких собак. А вот кошки у нас были всегда, даже когда мы скитались по квартирам.

Кошка у нас и сейчас есть, твоя любимая Мурка. Дети просят собаку. Но я как-то, доченька, не готова. Мне кажется, мы не справимся. Может через год-два. Если бы мы жили в тургенском доме, а в квартире... Гоша к своему дню рождения очень хотел собаку. Отвлекся другими подарками. К деньгам, что ему надарили, еще добавили и решили купить им с Никиткой ноутбук. И тут Гоша говорит: «Может, лучше на эти деньги дом тургенский утеплим?» Уж очень он хочет в нем жить. Да и я бы хотела, но город не отпускает. Надо учиться, надо работать...

Дети хорошо окончили школу. Гоша – отличник, Елена Александровна очень им довольна. Никитушка – ударник. Правда, по немецкому и казахской истории у него пять. За историю я отвечала, а немецкий с дедом учил. Хороший у них учебник немецкого в пятом классе. Я тоже с удовольствием обновляла свои маленькие знания. Сейчас попробуем штудировать язык летом на деревянном доме, там висят твои листочки-памятки. Как и твой наказ о воспитании детей: «Нельзя чрезмерно поощрять детей материально – деньгами, подарками. Нельзя выстраивать отношения по схеме “если ты сделаешь это, то получишь то-то”. Надо повышать ценность семейных радостей». До завтра, маленькая моя.

ШЕСТОЕ. Перечитала свое вчерашнее письмо и вспомнила, как ты сама очень хорошо и усердно училась. Поэтому иногда, когда тебе не хотелось идти в школу, мы не очень настаивали, разрешали прогулы. Отгул за прогул! Так мы говорили. У тебя все же была внутренняя ответственность и самодисциплина. И потом, ты же видела, как много работают твои родители. Сколь многое их интересует в жизни! Росли и твой кругозор, твоя эрудиция, твое желание заглянуть «за горизонт». Помимо работы редактором в литературной редакции Казахского радио, а потом в издательстве «Жазушы», я писала закрытые рецензии на издательские рукописи, переводила стихи других поэтов, издала к 1991 году три книжки стихов и стала в 1990 году членом Союза писателей СССР. Отец с интересом работал в своем институте. Хотя порой недоумевал: какое огромное число людей занимается наукой без особой отдачи для экономики.

И ты была очень совестливым ребенком. Помню, ты не смогла выйти отличницей в восьмом классе, на что мы надеялись: ведь тебе дали путевку в «Артек».

Бедный ребенок! Какое покаянное письмо ты написала нам с отцом. Как ты нас в нем перевозносила – таких работающих, таких талантливых, таких любимых! Не знаю, думала ли ты так возвышенно о нас когда-нибудь в последующие годы. Но это не ты – это мы не смогли удержаться на той высоте...

Потрясение «Артеком» – это особенная страница твоего отрочества. Помню, как мы с отцом встречали тебя в аэропорту. Ты была совершенно в слезах. Ты не хотела домой. Ты не хотела возвращаться из сказки, из того идеального общества которое умели создать для ребят в «Артеке». И то сказать – туда ехали самые лучшие – самые талантливые, отличники и хорошисты, спортсмены и активисты. И ты смогла там блеснуть талантами. У бобруйских родственников сохранилось твое письмо из «Артека», которое ты писала маме:

«Здравствуйте, дорогие мои мама Шура, папа Костя, Надюша и баба Марья!. Вот пишу вам из “Артека”. До сих пор не могу опомниться от этого счастья. Здесь так хорошо, что и сказать нельзя... Все дни заполнены до отказа, каждый день что-нибудь новое: конкурсы, соревнования, конференции, выставки, концерты, ни на минуту не дают присесть. Я участвовала в спортивных соревнованиях, но успех пришел только во время общеартековских игр, где я заняла второе место по настольному теннису... Целую много раз. Горячий привет Антоше, Свете, Илье и всем родственникам. До свидания. Олик».

Приехала ты с желанием еще более заниматься своим совершенствованием. Но, к сожалению, на танцы мы тебя ни в какой кружок так и не отдали: уж очень далеко было ездить во Дворец пионеров, где были хорошие педагоги. И, несмотря на твой абсолютный слух и стоявшее у тети Любы пианино, и в музыкальной школе тебе не довелось учиться: у тебя, как и у Сашули потом, была ранняя близорукость.

Мы уже задумывались, куда тебе идти дальше учиться. Я предлагала журфак. Но ты сказала: «Я не хочу зарабатывать на жизнь таким тяжелым трудом, как ты». У нас с отцом еще с раннего твоего детства была мечта, чтоб ты училась в Москве или Ленинграде. Отец любил Москву с ее музеями, а я с юности была потрясена городом на Неве. Помню такой момент твоей «профорientации». Летом 1980 года, еще до переезда в Алма-Ату, мы смогли поехать на море в Адлер – дикарями. Море, горы, маленький чистый городок с мозаиками талантливо начинавшего тогда Церетели, впервые увиденные пальмы, диковинные южные цветы. И море, море! Оттуда поездом отправились в Бобруйск, к маме. Из Минска поездом – в Москву. Нам хотелось показать тебе знаменитый Московский государственный университет, студенткой которого мы тебя видели в мечтах. Стоим у МГУ, у памятника Михаилу Ломоносову. Мы с отцом в красках живописуем, как упорный Михайло с Белого моря пришел в Питер учиться, а ты, глядя снизу вверх на его обтянутые рейтузами ноги-бутылочки, вопрошаешь: «И поэтому у него такие толстые ноги?» Отец не растерялся: «Он же пешком шел!»

Ни в МГУ, ни в ЛГУ ты не поехала, а поступила в КазГУ на филологический факультет, тогда там только открылось отделение литературоведения. Твои гуманитарные, литературные способности были уже очевидны: посмотрев фильм «Д’Артаньян и три мушкетера», ты в толстенной тетради написала собственный сценарий, поскольку не во всем соглашалась с экранизацией романа Дюма. В сотый раз читая потрепанный том своего любимого Ростана, его «Сирано де Бержерака», ты говорила мне: «Почему люди не говорят, как в его пьесах, стихами, ведь это куда естественнее». Ты и сама писала стихи, но мне не показывала.

Как ни странно, поступив с легкостью в университет при огромном конкурсе, ты со второго курса с той же легкостью из него вылетела. На что я сказала: «Ты будешь поступать сама. Никого просить я не буду». И ты снова написала на пять сочинение, и снова пошла на тот же филфак. Впрочем, потом ты пожалела, что не окончила факультет журналистики. Я же убеждена, что журналистом можно стать с любым образованием. А систематическое гуманитарное дает все же филфак. Или ты все еще не согласна?

СЕДЬМОЕ. Не обязательно тебе об этом писать, ты сама всё это хорошо помнишь. Скорее так, для истории. Может, и дети когда-нибудь прочитают эти письма. Про то, как мы жили «в эпоху перемен». Ведь девяностые годы прошлого века накрыли нас обломками рухнувшей большой страны, как цунами. В это трудно сейчас поверить, но по талонам продавали продукты, мыло. Деньги на глазах превращались в бумажки, с полок магазинов сметали мануфактуру. У меня до сих пор лежат пять метров ситчика, купленного по случаю на уличной распродаже. А ты была студенткой, а тебя надо было одевать. Хотя, надо сказать, что ты еще со школы подключалась к моей издательской работе, освоив в последних классах машинопись. В издательствах начались сокращения. И мне, как члену Союза писателей, предложили уйти на творческую работу с сохранением стажа. А жить на что? Полгода я была литконсультантом по русской литературе в Союзе писателей, потом и там начались сокращения. Так до сих пор и нет у нас литконсультанта по русской литературе!

В 1990 году под председательством ректора Алма-атинского архитектурного института Павла Александровича Атрушкевича образовался Белорусский культурный центр, в уставе которого значилась и издательская деятельность. В Казахстане прошел Всемирный курултай казахов. Подобный международный слет соотечественников готовила Белоруссия. У меня в издательстве «Жазушы» на выходе была третья книга – «Диалоги с Надеждой». И у нас с Павлом Александровичем возникла мысль доиздать тираж этой книги для Беларуси. И я поехала в Темиртау на Карметкомбинат за материальной поддержкой, которую в новых рыночных условиях запросило издательство «Жазушы». С легкой руки Дмитрия Оськина, с которым я работала еще в радиогазете треста «Казметаллургстрой» и газете «Строитель», директор комбината Александр Свичинский подписал мои бумаги, деньги выделили, и книга попала с нами в Минск.

Сам с трудом выживавший, Карметкомбинат помогал тогда многим бедствующим деятелям культуры, спасал целые издания, например, журнал «Нива» Владимира Гундарева. Сбывавший свою продукцию на «бартер», комбинат и с людьми делился этим «бартером». Согревались и мы всей семьей в девяностые годы сапогами, пальто и куртками с Карметкомбината. Летом 1991-го я привезла мою книгу в Темиртау, где Д. В. Оськин организовал встречи с читателями. В его доме я и увидела за стеклом в серванте широко известный сейчас огромный портрет Нурсултана Абишевича Назарбаева в войлочной шляпе горнового. В тот год в декабре должны были пройти первые выборы Первого президента независимого Казахстана. И меня осенило: «Дмитрий Васильевич, да это же готовый календарь в поддержку Президента», – закричала я. Другой портрет – в рабочем кабинете – дал Анатолий Устиненко. Так Белорусский культурный центр стал издателем первого Президентского календаря. Финансовую под-

держку оказал «Крамдсбанк». Но времени для издания было в обрез. Директор «Дауира» Январбек Тлеулесов взялся выпустить календарь, но посоветовал редактора, который ускорит выпуск – Калихана Уалиханова. Его фамилия и появилась на нашем календаре. Свою же и Дмитрия Оськина я не поставила – постеснялась. Чего Дмитрий Васильевич так мне никогда и не простил. Еще бы! Фото из его архива, он договаривался с Карметкомбинатом, он выгружал календарь из вагона в Караганде. Вместе мы пристраивали его в Карагандинском шахтоуправлении, мерзли на декабрьских ветрах... И о нем – ни строчки. Глупо, конечно. Но календарь был замечательный! Я горжусь им и поныне. Да и тебе он понравился. Ты ведь тоже помогала мне с его изданием, печатала на машинке необходимые документы, да и с реализацией, к которой подключились и твои друзья-студенты.

А между тем началось наше с тобой скитание по квартирам. От отца летом 1990 года, когда я вернулась из дома творчества в Исlochи, что под Минском, мы переехали в квартиру немецкой поэтессы Норы Пфедфер на улицу Гоголя. Она тогда жила в Москве, в квартире Бориса Заходера и работала с Борисом Дубровиным над переводом на русский язык книги своих стихов для московского издательства. Репрессированная немка с Кавказа, знавшая, что такое камера-одиночка и Калымские лагеря, она была удивительно стойким и собранным человеком. Последний привет от нее и книгу вы с Андреем привезли мне из Кельна...

В этой квартире Норы мы с тобой занимались еще одним издательским проектом для «Жазушы» – книгой Владимира Высоцкого «Голос», собранной его алма-атинским фанатом. Ты перепечатывала эти разрозненные тексты на машинке, а потом мы с художником-оформителем будущей книги Альбертом Гурьевым даже съездили для их уточнения к другу Владимира Высоцкого – Всеволоду Абдулову в Москву, в переулок Немировича-Данченко. Всеволод приютил нас, показал вышедший посмертно двухтомник Высоцкого с иллюстрациями Михаила Шемякина. Мы бродили московскими переулками, теми самыми, «где твой черный пистолет...», нам была выделена гостиная, где заночевывал и Владимир Семенович с Мариной Влади. Еще была жива вдова народного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии Осипа Абдулова, Елезавета Метельская – Ёлочка, ее третиговала молодая жена Всеволода, для которой воспоминания Ёлочки были «звук пустой».

Книга «Голос» в результате не вышла, но за эту работу у нас осталась электрическая пишущая машинка «Оптима», а спонсор проекта принес тебе в подарок красивый белый пуховик (правда, великоватый!) и белые сапожки. Эта машинка пригодилась нам, когда мы стали делать еще одну издательскую работу: переводить на современный русский язык дореволюционное (с ятями!) издание книги А. Левшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей». Это была затея Татьяны Постниковой, сестры безвременно ушедшего поэта Олега Постникова, открывшей издательство в Чимкенте, впрочем, скоро прогоревшее. И я думаю сегодня, Олечка: какая ты была упорная девочка. Не всякий молодой человек может взяться за такую большую скрупулезную работу!

Кстати, и продажа президентского календаря никаких дивидендов не принесла. Коммерсанты из нас никакие! На гонорар мы с тобой и сняли квартиру на углу улиц Басенова и Гагарина, поближе к университету. А я решила заняться в это нестабильное время тем, что умею лучше всего, – журналистикой. В «Вечерке»

в ту пору работали мои однокурсники, там я и начала трудиться. А к лету следующего года нам снова пришлось переезжать.

Эта бездомность нашего существования, моя непривязанность к съёмным углам, наверное, поторопили и твоё первое замужество. Уют в своём доме Людмила Васильевна Латынина умела и умеет создать с присущими ей выдумкой и вкусом. И Анатолий Латынин был в ту пору в Союзе художников Казахстана не только замом его председателя, но и сам личностью известной и уважаемой – и в журналистских кругах, и в кругах художников. И Андрей Латынин, безусловно, талантливый художник, оказавшийся, к сожалению, не в то время и не в том месте. К тому же, творческому человеку поважнее вдохновения и таланта – воля к творчеству и ежедневная работоспособность. Увы, в молодости редко кому это дано понять. Но не будем о грустном. Давай лучше в следующем письме повспоминаем с тобой о том, как родилась наша красатуля Сашуля. А то и так длинное получилось письмо.

ВОСЬМОЕ. 20 января 1994 года в полдень свет известила о своём рождении твой первенец – Александра. (Всех троих своих детей ты рожала в полдень: Никитку без пятнадцати двенадцать, Гошу – в 12.15.) С первых своих дней – капризуля, не желавшая есть и спать в установленное время. Ах, какую замечательную картину со скворечниками в синем небе написал Андрей к Сашину рождению! Сколько в ней было радости! Но у тебя началась мастопатия. Голодная Сашка кричала. Надо было подставлять руки. Бессонные ночи и ежедневная газета не сочетались. И тут открылась первая частная партийная газета «Время», курировал её Сергей Дьяченко, а возглавил Сейдахмет Куттыкадам. Культурой ведал Рустем Жангожин. И мы с Латынинными в начале марта семейно перешли в неё. Замечательная это была газета, целые полосы отдававшая культуре, она познакомила меня, а в результате и подружила с Жанией Аубакировой, лауреатом престижного французского конкурса Лонг и Тибо, удивительно искренним и открытым человеком, она дала возможность по-новому взглянуть на Абылхана Кастеева в его 90-летний юбилей, писать без оглядки на авторитеты о Морисе Симашко. Увы, газета продержалась недолго. Летом работы уже не стало. И мы с тобой, доченька, переехали к родному отцу – выращивать в его саду-огороде нашу Сашу.

Научно-исследовательский институт на Калинина – Мечникова, как и многие другие в стране, к тому времени уже закрылся. Здание начали приватизировать. Кто-то открывал в нём торговые дома, а отец твой осуществил свою мечту – при поддержке Михаила Трофимовича Тё открыл художественную галерею «Инкар», которую и я во всех доступных мне средствах массовой информации, конечно, поддерживала. Дела у него в начале девяностых годов шли неплохо. Он первым после десятилетнего забвения сделал выставку Евгения Матвеевича Сидоркина при поддержке его семьи – Гульфайрус Исмаиловой и Вадима Сидоркина. Он сделал последнюю выставку вскоре погибшего под колесами автомобиля Салихитдина Айтбаева, с которым успел подружиться. Есть отличный портрет галериста Семена Хана кисти Салихитдина! Он сделал посмертную выставку убитого в Актюбинске хулиганами Бориса Пака. Галерея участвовала в ежегодных «Парадах галерей», проводимых Государственным музеем искусств имени А. Кастеева. У неё появился круг своих художников, среди них старые темиртауские друзья и коллеги Семена – Александр Болюх и Валтер Никкарев. Александр Болюх даже работал в тастакском доме.

Мы все много времени проводили у отца в галерее, которая к тому же находилась недалеко от дома, где вы жили. Она становилась своеобразным клубом и для родственников, и для друзей, и для художников. В этом первом в ее жизни выставочном зале делала свои первые шаги и наша Сашка! Сохранилась твоя фотография в галерее. Такая ты там красивая! Рядом твой портрет, написанный перед твоей свадьбой Вадимом Сидоркиным. Гульфайрус Мансуровна всегда любила тебя, а увидев впервые, удивилась: почему мы не отдали ребенка в балет при таких исключительных данных. Она очень любила балет. И Вадим с интересом начал писать твой портрет. И при всем том, что всегда его портреты комплиментарны, твой произвел на меня удручающее впечатление, которым я не могла поделиться ни с кем. Ты, двадцатитрехлетняя цветущая барышня, выглядела на нем лет на десять старше, печальной и поблекшей. И эти большие, темные, без блеска, обращенные в себя, грустные глаза. Я увидела их у тебя такими, когда ты заболела... Когда же у отца в доме случился пожар, и портрет обгорел, я обривалась и постаралась забыть его.

А лето 1994-го было счастливым, умиротворенным. Все наши мебели заняли свое место в тастакском доме. Мы с тобой управлялись с Сашулей, отец работал и еще вечером давал нам возможность посмотреть очередную серию то ли «Рабыни Изауры», то ли «Санта-Барбары», усыпляя внучку в саду. Зарубежные сериалы захватили время и внимание женщин страны! Но к осени надо было тебе возвращаться в мужнин дом, а мне начинать работать. К тому же заканчивался твой академический отпуск в университете. Ты не представляла, как можно оставить ребенка и идти в университет, и настаивала на заочном обучении. Тут уж воспротивилась Валентина Христофоровна Мищенко, твой университетский педагог, да и мой когда-то тоже. Мы с ней делали на Казрадио передачи о Пришвине в Казахстане, по теме ее кандидатской диссертации, я писала о ее муже – Владимире Агафоновиче Щербакове, талантливом художнике и детском писателе, и мы подружились. Тебе оставался один год учебы, защита, а ты их хотела растянуть на два. И Валентина Христофоровна воспротивилась и сделала все, чтобы ты окончила университет и получила диплом. Царствие ей Небесное! И так это счастливо сошлось потом и с твоим приходом на «Хабар», и с началом самостоятельной жизни. Но пока без работы была я – не самое комфортное, прямо скажем, состояние. А главное – незнакомое советскому человеку! Но продолжение, видимо, завтра. Устала я что-то, доченька.

ДЕВЯТОЕ. Ну вот, основной костяк газеты «Время» направил стопы в «Юридическую газету», куда и меня начали звать. Но мне там все было чужое, к тому же я решила не связываться больше с открывающимися частными изданиями. Лучше небольшой заработок, но постоянный – это был отныне мой критерий для нестабильных времен. И я обратила свой взор к «Казахстанской правде». Там как раз менялся редактор, газету возглавил Григорий Григорьевич Дильдяев, а мне очень нравился созданный им еженедельник «АЗиЯ». Не сразу, но при поддержке Эдуарда Джилкибаева, решившего со мной укреплять отдел культуры «Казправды», я вошла в ее славные ряды. Все-таки «Казахстанская правда» в то время – это высший уровень журналистики. Да и какие золотые перья собрались тогда в ней! В «гостиную» «Казправды» приходили высшие лица государства – от первой леди Сары Алпысовны Назарбаевой

до премьера Кажегельдина, от архиепископа Алматинского и Казахстанского Алексия до космонавта Аубакирова, не говоря уже о деятелях культуры и науки, представителях бизнеса и политической элиты. Уму непостижимо, как такие объемные наши беседы на самые насущные темы ее ведущая Мира Пашина умещала в газетную полосу! «Казправда» примет в свои славные ряды и сестру мою Надежду, переехавшую два года спустя в рыночный Казахстан из социалистической Беларуси.

Лето 1995 года вы с Сашулей снова решили провести в Тастаке, и я окончательно переехала к вам из последнего съемного жилья. В начале июля я собралась закатать компот из красной смородины. Она-то и ждала меня вечером с работы, когда неожиданно поступил вызов к главному редактору. Оказывается, утром надо было вылетать в командировку с вице-премьером Имангали Тасмагамбетовым. Маршрут был: Алматы – Шымкент – Кокшетау – Семей – Усть-Каменогорск – Алматы. Полночи я возилась со смородиной, утром покидала в чемодан наряды и на казправдинской «Волге» успела на самолет за пятнадцать минут до высокого начальства. Рассказываю тебе о поездке не только потому, что это была интересная командировка с посещением Туркестана с мавзолеем Ходжа Ахмета Яссави, поляны Абылай-хана под Кокшетау и семейского Жидебая, где возводился к юбилею великого поэта известный теперь мемориал Абая – Шакарима. Едва войдя в самолет, я увидела за столиком у иллюминатора сосредоточенного человека в роговых серых очках, обхватившего руками телекамеру. Как ты догадываешься, это был Марат Крыкбаев, с которым мы и познакомились в той командировке. И что-то тогда случилось... Ведь после измотавшего меня моего великого романа я уже не думала, что смогу кем-то заинтересоваться. Романа, который ты мне так долго не прощала...

Между тем уже подходило к концу строительство дома в Самале, на квартиру в котором у нас с тобой был ордер. И я решила въехать в нее вопреки обещанию отдать ее вам с Андрюшей. Да и сестра моя Надежда пришла в негодование от нарисованных мной перспектив. «Сколько ты можешь скитаться по квартирам! Въезжай в свое жилье!» – сказала она. Наверное, я хотела это услышать... Ты не сразу смогла принять мое решение жить в этой квартире, съехаться с Маратом, ты не сразу пришла к нам. Но все-таки два года Саше мы отметили в Самале, что и запечатлел Марат своей телекамерой. И для Сашули это стала родная квартирка, а потом и для мальчиков. В ней прижился и ваш кот Митя, приняв Марата за полноправного своего хозяина. Счастливые времена!

ДЕСЯТОЕ. Помню, на моем пятидесятилетнем юбилее ты сказала: «Если мама что-то хорошее и сделала мне в жизни, то это привела на “Хабар”!» Что ж, я считаю это высокой оценкой моего вклада в твою жизнь – ведь на «Хабаре» ты встретила свою любовь, отца своих ненаглядных мальчиков! Стала прекрасным тележурналистом-профессионалом, замечательным организатором. Сколько признательных слов о твоей работе, твоих редких профессиональных и человеческих качествах мне довелось потом услышать. Ты стала главным редактором русских новостей «Хабара», вы с Андреем Козловым создавали формат первого казахстанского спутникового канала «Каспионет», ты реанимировала часовую программу «Іске сэт» – «Делу время», заработавшую благодаря тебе, по отзывам коллег, как часы: тик-так...

А началось все с того, что в «Казправде» я придумала рубрику «Твое ТВ» – тогда только появились новые телеканалы, и нам, привыкшим к одному каналу Казахского телевидения и двум – всесоюзного, это тем более было интересно. Но самым крутым, самым новым и перспективным, оборудованным новейшей техникой был, конечно, создаваемый Даригой Назарбаевой телеканал «Хабар», куда пригласили работать оператором и Марата Крыкбаева. Молодому каналу повезло с главным редактором – творчески устремленным Владимиром Рерихом безусловным асом тогдашней нашей тележурналистики.

Мне несколько раз довелось брать интервью у Дариги Нурсултановны, у Владимира Ахмадяновича, я следила за творчеством ведущих журналистов телеканала, писала о них. И когда по окончании университета стал вопрос о твоей работе, я предложила тебе попробовать себя на «Хабаре» и привела к Рериху, прося его протекции. Все-таки в какие-то решающие для тебя моменты жизни – выборе работы, покупке квартиры – моя интуиция, слава Богу, меня не подводила... Что же подвела она меня, когда решались вопросы твоего лечения, почему я ни на чем не могла настоять, ничего выбрать, передоверив это другим?!!

Но что теперь об этом... Давай лучше вспомним с тобой, каким удивительным ребенком росла наша Сашка, наша своенравная капризуля Сашуля. Ведь у нее в детстве было потрясающее воображение. Например, мы могли с ней ехать в такси из детского садика, что был на Сатпаева – Сейфуллина, к нам в Самал. И она говорила мне, открывая окно в машине: давай попускаем воздушные шарики? И мы начинали пускать в окно воображаемые «воздушные шарики». Водитель, конечно, был в недоумении. Или мы подъезжали к площади, где у здания нынешнего акимата тогда были целые поляны золотых одуванчиков. И она говорила: бабуля, останови машину, пойдем, навестим наших одуванов. И мы шли их навещать, здоровались с ними, разговаривали. Тех, у которых уже образовались парашютики, отправляли в полет, но просили на следующий год вернуться обратно. Ну да кому, как не тебе, доча, знакомы эти ее игры! А в школе она любила уединяться, чтобы поговорить со своими «небесными друзьями». С ними общаться ей было куда интереснее, чем со своими одноклассниками.

Чудесный месяц провели мы с Сашулей в «Акбулаке», санатории под Алма-Атой, куда мне дали путевку в «Казправде» и куда нас отвез на своей машине Анатолий. Доченьке твоей было три с половиной года, а бабушке, маме твоей, – не было сорока семи. Мы носились лошадаками по холмам, иго-го-кали, катались по траве, а когда она уставала, я брала ее на спину, и мы возвращались к себе. Мы подружились с отдохавшими там интернатовскими детьми, которые очень полюбили Сашу, одну девочку мне даже хотелось удочерить. Правда, когда приезжал дядя Марат, Сашуля все еще не хотела отлипнуть от меня, не давала нам общаться. Она не умела оставаться сама с собой, в отличие от тебя маленькой, всегда самозанятой. И когда Марат говорил: «Сашка, ты что такая вредная?» – не отвечая ему, она поворачивалась ко мне: «А давай мы будем две вредных – ты и я?»

А еще ведь был Сосновый парк, где она гуляла со своей няней Оксаной, с тобой, с дедой Сеней, со мной, где она могла облазить все его парковые скульптуры, особенно полюбив Алдара Косе, к которому усаживалась на лошадку. Она бесстрашно лазила по всем турникам и снарядам школьной спортплощадки. А в Сосновом парке она знала всех собак! И все собаки, главное, знали ее, и она бесстрашно шла к самым большим, а у меня сердце уходило в пятки. У нас

сохранился целый фотоальбом собак Соснового парка. А еще мы купили с ней собачью энциклопедию, изучали породы собак, их содержание и мечтали о времени, когда сможем завести свою собаку! Увы, такое время все еще не наступило.

Когда Саша пошла в школу, в гимназию № 25, я любила пешком ходить из Самала парковыми зонами забирать ее после уроков. Мы шли к вам домой, я готовила ужин, мы делали уроки, а когда ты возвращалась с работы, уезжала часов в девять-десять на такси к себе в Самал. Когда я не могла забрать Сашу, ее забирал дед Семен. А росла Александра еще той собственницей. Мало того, что тобой хотела владеть безраздельно, так еще мне заявляла: «Ты здесь не командуйвай, это наша с мамой квартира». Как нам повезло с покупкой этой квартиры на улице Сейфуллина – просторной, с высокими потолками, с полуметровыми кирпичными стенами в доме, построенном пленными японцами.

Когда семья Латыниных собралась уезжать в Чехию, а ты отказалась следовать с ними, это ведь было не потому, что нас «испортил квартирный вопрос». А потому, что уже явно не клеилось. Но я благодарна Богу, что у нас с Людмилой Васильевной хватило мудрости восстановить наши пошатнувшиеся было отношения и порванные связи и сохранить их ради Сашули. И мы обе с тобой благодарны Люде за три с половиной года, что она растила внучку, давая возможность тебе учиться.

А какие чудесные поездки были у нас с Сашей к Людмиле в Киев! Я впервые открывала для себя этот древний город, возлежащий на холмах, откуда Русь и Церковь Православная пошли – великую Софию, святую Лавру! А могучий Днепр, по которому мы непременно катались на теплоходе, а купание в заливе на правом берегу, куда мы ехали на метро, а Киевский зоопарк с его «хуторком» и возможностью покормить животных... И какое счастье, что сейчас у Александры есть в Праге родные люди. А еще есть квартира, купленная Маратом на родительские наследственные деньги, где мы все можем бывать, где и ты, моя радость, находила уют, и которую полюбила...

ОДИННАДЦАТОЕ. Собственно наши поездки с Сашулей в Киев всегда были частью нашего отпуска в Беларуси. Я старалась дать тебе возможность отдохнуть, да и личную жизнь твою надо было устраивать. И мы ежегодно отправлялись сначала на самолете в Украину, а потом минским поездом уезжали в Бобруйск, где в четыре утра на безлюдном перроне нас встречал мой брат Илья. А через каких-нибудь полчаса и мамочка Шура кормила нас ранним завтраком в квартирке на улице Лынькова, 3. А там уже мы закупаемся продуктами и едем все на дачу, где нас встречает папа Костя. Счастливая жизнь! Господи, как я благодарна судьбе за эти белорусские поездки, за общение с родителями, пусть не всегда идиллическое, за стихи, подаренные родной землей, за то, что ее успела полюбить моя внучка и даже к рыбалке там пристрастилась, как ее дед, и дядя, и двоюродный брат.

В слиянии Березины и Брожки
Мы ладим свой рыбацкий костерок.
То дождиком сыпнет, как из лукошка,
То солнышко блеснет у наших ног.

Непостоянна у реки погода.
Непостоянно счастье рыбака.
Но словно в детстве плещется река
Под ласкою скупою небосвода.

И все приветней зов прибрежных кущ,
Дубов столетних, лопотуньи ивы –
Свидетелей вот этих слез счастливых,
Слиянья рек, слиянья наших душ.

Уезжая из Алма-Аты порой на два месяца, я и материалы писала там «на удаленке», и над книгой о Дариге Тналиной «Черно-белое кино» два года подряд работала. Я брала диктофон с расшифровкой даже в поездку с ночным на рыбалку! Сашка возмущалась: «Бабуля, когда уже эта тетенька перестанет говорить?» Оно, конечно, и мне надоело, да, как говорится, взялся за гуж... Мне не хватало в этих поездках Марата. Но тяжело работая на новостной программе «Хабара», с президентскими и правительственными командировками, требующими предельной собранности, все время находясь на людях, он предпочитал отпуск размеренный, тихий, санаторный. А жаль... Но я знала, как ты, моя доча, будешь радоваться нашему с Сашкой фотоотчету о поездке. Вглядываясь в лица родных, собравшихся за чаем, пивом, арбузом в дачной беседке, будешь спрашивать: а Света с Ильей как? А тетя Валя? О, у Люды прибавление семейства! Молодцы! А Руслан со Светой второго ребеночка не родили? А Антоша с вами ездил на рыбалку? И, глядя на уморительную Сашкину мосечку, засмеешься: «Глаза горят, хвосты летят, руки машут, – кто это? – Моя Сашуля!»

И вот в твоей жизни появился Андрей Козлов. Ваше с Сашкой жилье стало для вас тесноватым. И хотя мы только что сделали хороший ремонт – отец поставил такие мощные деревянные окна и двери, каких я потом уж не видела, мы исподволь начали с тобой просматривать объявления о купле-продаже недвижимости. Да и появившийся на первом этаже вашего дома шумный, исходящий запахами кухни ресторан заставлял торопиться с переездом. И однажды я прочитала нечто такое: «Продам четырехкомнатную, кирпич, 1997 года, с чудесным видом на речку Весновку, горы, яблоневые сады...» Ну, приехали, уже виды на горы стали продавать, посмеялась я. И хотя мы искали трехкомнатную, решили почему-то посмотреть. И сразу влюбились: просторная, солнечная квартира сверкала хорошими паркетными полами и манила видами за окнами. Ты потом говорила мне, что вы с Андреем даже ночью выходили на балкон – послушать соловьев, подышать горною прохладой. Но квартира была, а денег-то не было. Ты взяла кредит в банке, какие-то деньги заняла у друзей я. Но главную сумму – 25 тысяч долларов, в надежде на продажу вашей квартиры, был вынужден одолжить под проценты у своего друга Андрей. Представляю его впечатление о нашей семейке!

Сами же мы, ты, я и Сашка, выставив квартиру на улице Сейфуллина на продажу, уехали в отпуск в Белоруссию. Это была первая за многие годы наша совместная поездка домой, к маме и папе на дачу. Радости мамы Шуры и папы Кости не было предела – они видели свою любимицу повзрослевшей, оперившейся на хорошей работе, любимой и влюбленной. А ты видела своего папу Костю

в последний раз – через два с половиной года в рождественскую ночь он умер от третьего инфаркта, и мы с тобой полетели на его похороны. Но безмерное горе наше – ведь папе было всего 72 года – Господь скрасил рождением вашего с Андреем первенца. Наверное, ты бы назвала его Константином, но у Андрея уже был сын Костя, и мальчик наш стал Никитой. Вообще в семье Андрея имена были те же, что и в нашей белорусской семье – мама Надежда, отец Георгий, и мне казалось это хорошим знаком того, что мы породнимся.

Ты всегда, Оль, подтрунивала над моим многословием, вот и сейчас, наверное, страдаешь от некоторых длиннот моих писем. Ведь в тебе было удивительное чувство меры. Но что делать, говорят же – человек есть стиль. То есть стиль жизни это природная суть человека, в то время как идеи – дело наживное. Недавно на литературном биеннале в рамках ЭКСПО-17 кто-то из выступавших заметил, что нынешняя молодежь не способна прочесть книгу более 100-110 страниц. И я вспомнила, как ты всегда любила большие книги – «Сагу о Форсайтах» Голсуорси, «Войну и мир» Толстого. Эпопею Льва Николаевича ты непременно перечитывала каждый раз, готовясь стать мамой: у тебя появлялось время для неспешного чтения. Некоторые ее страницы ты знала наизусть. И при всей своей девчоночьей любви к князю Андрею, юной Наташе, теперь, думаю, ты любила последнюю часть романа – Наташу с детьми и Пьером, Николая, пережившего рядом с княжной Марьей. И я уже видела, как в тебе из порывистой девочки, порой упрямой, вырастает мудрая, бесконечно любящая мама. Ты была редкой мамой!

ДВЕНАДЦАТОЕ. Какой радостью наполнился ваш дом с рождением Никитки! Спеша к вам, чтобы помочь тебе управиться с мальчиком, я ловила себя на том, что все время безотчетно улыбаюсь. Это было счастье. Счастьем было гулять с ним осенью, зимою, весною с коляской в пойме Весновки или по яблоневым садам, которыми прельщал нас продавец квартиры. За одиннадцать лет между рожденьями детей мы с тобой многое подзабыли, приходилась заново учиться купать, кормить, понимать детское беспокойство. Никитке не было годика, когда мы всей семьей отправились на Иссык-Куль на собственной машине. Мы поселились с Сашулей в общем корпусе, но на первом этаже, с террасой, вы с Андреем – в коттедже. Беззаботное время! Променады с коляской после обеда, чтобы дать вам отдохнуть, прекрасная территория с вековыми соснами, белочками на них, и синий-синий любимый Иссык-Куль в короне белоснежных вершин Тянь-Шаня.

Никитка рос удивительно вежливым, развитым мальчиком, может быть, излишне послушным под строгим надзором няни Светы. Я работала, ты тоже не могла долго оставаться в декретном отпуске, и на помощь была призвана няня. Мы все будто заново открывали с Никиткой Божий мир: лежащие на склонах крутых берегов облака цветущего урюка, расцветающие яблони, поляны с одуванчиками... Я радовалась, что в ваших семейных прогулках с мальчиком участвовала Саша, резвилась с вами, все более сближаясь с Андреем. А я снова осваивала детские песенки и считалки для подрастающего Никитки: «Речка Есентайка, ну-ка сосчитай-ка, сколько у Никитки маленьких шажков». Господи, как я радовалась за тебя, как гордилась твоими успехами в работе, твоей семьей!

У тебя с юности была легкая походка, скользяще-летающе-танцующая. Молодая походка твоего отца. И ты хотела идти по жизни с легким дыханием, даже на самых тяжелых ее подъемах. И у тебя получалось это, ты умела организовать быт и работу людей с непреклонной внутренней волей и невероятной доброжелательностью. Можно сказать – весело! Тебе с радостью подчинялась няня Света, устраивавшая мне истерики на любое замечание, не прекословила уборщица Таня, да и сама я каждую свободную и несвободную минуту бежала к вам – к детям, к тебе – помочь, накормить.

У тебя всегда было тонкое чувство юмора, мы любили в нашей семье пошутить. И Андрей оказался не обделен им. И Никитка старался следовать семейному обычаю. При том всякий раз спрашивая у нас: «А хорошо я пошутил?» Это-то и было самое смешное в его шутке. Но и словечки он мог выдать – будь здоров. В нашу общую поездку в Турцию отель был на первой береговой линии, с детской зеленой зоной, с теннисным кортом. Возвращаемся мы с моря с Никиткой, а на корте девушки машут ракетками. Мяч отлетает к заградительной сетке как раз возле нас. «Я могу быть вам чем-то полезен?» – спрашивает четырехлетний джентльмен у подбежавшей девушки. С той поры мой муж, перенявший хороший тон, всегда у меня спрашивает: «Я был вам чем-то полезен?» А в другой раз в дворовой песочнице состоялся такой диалог у нашего красавчика с подружкой: «Никита, можно я с тобой поиграю?» – спросила девочка. «Можно, – ответил Никитка. – Только не влюбляться!» Когда я передала этот диалог в своей редакции, главный редактор «Простора» Валерий Михайлов сокрушился: «Эх, почему я не знал этих слов в юности!»

В три года Никитка сломал руку. При этом мы все трое: ты с маленьким Гошиком в коляске, я и Сашуля стояли возле той горки, с которой он сиганул вслед за старшим мальчиком, подвернув ручку. Тотчас приехал Андрей, повез нас в травматологию. Никитка не хотел уходить с моих рук. Мы решили, что я с ним лягу в больницу. Перелом был серьезным, операция длилась три с половиной часа. Я молила Господа помочь. Обещала, что уговорю вас пожениться. Ведь у вас было уже двое детей, а брак все еще не был зарегистрирован. Мне кажется, есть что-то сомнительное для женщины в этих гражданских браках. Тем более, когда дети. Я как-то тогда (хотя и я, и ты к тому времени были крещеными) не задумывалась о том, что и церкви это противно. Но все находились какие-то причины, и ваша регистрация откладывалась и откладывалась. Потом уж она совершилась перед таинством венчания.

А помнишь, какой великолепной семейкой явились вы на мое шестидесятилетие осенью одиннадцатого года! Какие вы были красивые, какую сценку подготовили с Сашулей. Гости любовались вами. И как всегда твои великолепные тосты, в которых ты никого не забывала, умела сказать все лучшее, доброе... К юбилею вышла моя большая книга Избранного, «собранного», как я называла, с поэмами, переводами. И книжечка, посвященная маме, – «Песни Жаворонков», изданная Бахытжаном Канапьяновым в «Жибек жолы». Жаворонками звали в деревне Василёвке семейство моих дедушки и бабушки. А потом я как-то пришла к вам, и ты сказала: «Мама, я плакала, читая твои книги». Я хотела спросить: «Почему? О чем?» И – не решилась...

О чем ты плакала тогда? Об ушедших маме и папе? О том, как я не щадила в молодости свою бессмертную душу, не боясь греха? О своих ли обидах и страхах...

ТРИНАДЦАТОЕ. Какое-то предчувствие беды было у меня перед той первой нашей общей поездкой в Турцию. Я плохо себя чувствовала, у меня прыгало давление. А тут еще известие, что знакомая умерла в Анталье: не выдержало сердце тяжелого климата и перелета. Я говорила тебе: зачем такая дальняя дорога, когда рядом есть прекрасный Иссык-Куль? Ночь перед полетом не спала. Почему-то перечитала письма моего романа с желанием их уничтожить. Но потом подумала: меня не станет, ты перечитаешь, поймешь, что это была любовь, и простишь меня. С тем и успокоилась. А в Кемере и правда первые дни чувствовала себя плохо. Но потом дети, море ввели в нужный ритм, и отдых был чудесным. Мы жили в особнячке, в сдвоенном номере – в одной половине вы с детьми, и мы с Сашулей через стенку, за дверь, но с общим коридорчиком. Дети плохо ели, мы с Сашей выводили их из столовой, усыпляли послеобеденного Гошика. Незабываемы наши чаепития на балкончике, квадратики свежеспеченных сырных лепешек с зеленью, которые есть только там, и море, море... Приколы над Сашулей с подrostковыми первыми влюбленностями...

В августе мы встретились все в Тастаке у отца на шестидесятилетии. Приехали Евгений Борисович и Клара Михайловна из Свердловска. Из Бишкека приехала Люба с девочками. Пели песни, которые привыкли петь вместе. Ты была такая сияющая, такая красивая – глаз не отвести. Извинилась перед отцом и корейской родней, что вы с Андреем не собрали сами по корейскому обычаю гостей на его юбилей. Но отец твой не очень придерживается обычаев. К тому же для него все, что ты делала – всегда благо, всегда правильно. И Наташа, его жена, с таким гостеприимством привечала всю родню, расстаралась с салатами, дед – со своим фирменным шашлыком. Дети не хотели уходить из сада, взрослые смотрели пополнение его коллекции в доме. Общались не часто встречающаяся теперь родня...

А жизнь продолжилась в буднях: в работе, в заботах о детях, в Сашкиных школьных радостях и проблемах. Третьего ноября вы пришли к нам в Самал на день рождения Марата. Ты была такая веселая, так много шутила и смеялась. И вдруг говоришь среди этого веселья, что ты ложишься на операцию. Небольшую, как ты сказала. И мне надо пожить у вас с детьми. Конечно, сказала я. Операция была назначена на семнадцатое ноября. Восемнадцатого утром, в мой день рождения, ты позвонила и сказала, что все хорошо, чтобы я приготовила тебе поесть. Что у тебя сейчас Надя Мян, и все в порядке.

А буквально на следующий день я увидела оставленную Андреем выписку из истории болезни и – диагноз. Сердце мое захолонуло. Но ты снова уверяла меня, что операция прошла хорошо, и все будет хорошо. И приводила статистику излечимости с твоим диагнозом – 85 процентов! Силы вернулись ко мне. Господь милостив! Но послеоперационный период осложнился новой операцией – на кишечник, и это уже было упущение врачей. Боже, боже, почему я тогда не бросилась к доброй знакомой своей Ирине Олеговне Горкуновой, такому классному специалисту в поликлинике онкологии, а доверилась только заведующей в стационаре, оперировавшей тебя? Воистину, когда Господь хочет наказать, он лишает разума. Я переселилась к тебе в палату, выхаживать. Андрей оставался с детьми, полторагодовалый Гоша привыкал спать с ним.

Странно, когда родился Гоша, почти трехлетний Никита казался нам большим. И мы решили, что он будет спать отдельно, а ты с Гошей в детской. В первую же ночь мы проснулись от того, что Никитка стоял под дверью детской и канючил:

«Возьмите меня к себе». Твое материнское сердце не выдержало. И отныне ты, как наседка, спала, обложившись своими детьми.

В результате послеоперационных осложнений и основное лечение пошло не по тому плану, что нужно. И все-таки ты поправилась – лечение в Германии, помощь друзей – большая материальная и моральная, поддержка семьи, твои дети, ждавшие дома... Ты практически восстановилась. Хотя Ирина Олеговна Гаркунова, старейший специалист с богатейшим опытом, ставшая твоим лечащим врачом, сказала мне: «А все-таки надо было, Любочка, провести химию». Но на химию-то время было упущено...

За три последующих года мы все уже стали уверяться, что выберемся. Вы съездили с детьми в Таиланд, я с вами съездила в Болгарию и еще раз в Турцию. Дети счастливо подрастали. Мы радовались каверзам Георгия. Он долго не умел говорить, вернее, владел только ему известным языком. При этом ужасно сердился, что мы его не понимаем. Но этот язык освоил Никитка и стал замечательным переводчиком Гоше. Однако неблагодарный Гоша, научившись ходить, стал рушить все тщательно и долго возводимые Никитой постройки Лего. Слезы, крик. «Никитка, – говорили мы, – Гоша скоро подрастет и станет лучшим товарищем твоих игр». Так и случилось. А ведь ты говорила, что вы с Андреем хотели девочку. Не знаю, находили ли бы они так хорошо общий язык, как эти два замечательных братца!

Между тем Сашуля оканчивала школу. Мы готовились отправить ее в Прагу учиться. Ты деятельно занималась ее устройством, поиском языковых курсов. Ты продолжала работать. Гошик радовал нас своим жизнерадостным характером, целеустремленностью, прилежанием в занятиях в своей «Радуге» – школе раннего развития. Мы стали летом выезжать в Тау-Тургень, в построенный Андреем замечательный деревянный дом, который все полюбили. Каждое лето с нами выезжала и мама Андрея – Надежда Титовна. Это выгодная продажа ее дачи в Баганашиле позволила осуществиться мечте Андрея, да и твоей тоже. Надежда Титовна деятельно занималась с сыном цветами, ты подключалась к нему на огороде. Я кормила семью из шести-семи человек и наезжавших гостей. Дети резвились на приволье, приезжала на каникулы Сашуля. И мне, казалось, переставшей за семейными заботами писать стихи, этот дом подарил и стихи, и новые документальные книги. Хотя ты и хотела, чтобы я работала меньше: «Мамуся, ты бы уже определилась с приоритетами».

По тургенским рыжим склонам
Вьется вниз ребячий гомон,
И бурлит, сливаясь с речкой,
И течет под небом вечным.

Длить и длить бы эту связь
Беспечальных светлых звуков,
Чтоб, играя и смеясь,
Жизнь перетекала к внукам.

Вспоминаю свою первую встречу с Тургенем. Мы с Маратом еще на нашей первой машине поехали в Тургенское ущелье, к водопадам. До них мы не дошли.

но вот возвращались обратно, и вдруг перед нами открылась в голубой дымке широкая долина – аж до самого Капчагая. «Господи, – задыхнулась я. – Это же рай. И здесь люди живут?!» И помню такое же восклицание Гоши, когда мы поехали в цветущие яблоневые сады в предгорья: «Да это же рай!»

И Андрей построил в этом раю дом. Жить бы да жить в нем – всей нашей – то веселой, то беспокойной, то обидчивой, но все-таки дружной семейкой! Вот такая, доченька, у нас была задача.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. Весной 2013 года вы с Андреем решили делать ремонт в квартире. Вы всегда с интересом смотрели различные «ремонтные» телепередачи – «Квартирный вопрос», «Дачный ответ», «Фазенду» и решили перестроить квартиру: поменять местами зал и спальню, из детской сделать столовую, прилегающую к кухне, убрать балконы. Всю перестройку вы продумывали сами, ты рисовала эскизы, ездила с Андреем выбирать материалы.

На время этой эпопеи Светлана Коковинец пригласила семью пожить в своем загородном доме. Срок ремонта истекал, но сам он не заканчивался. В июне мы с детьми переехали в Тау-Тургень, вы остались в городе у Светланы – время отпуска еще не наступило. Июнь был дождливым, ветреным, с грозами. Ночами одним в большом доме с шумящими за стенами деревьями, с гулом грозы, отключающимся электричеством было жутко и тревожно. Мы спали с детьми втроем в одной постели. И сны были беспокойными. И стихи мои того лета такие же – об этой жути. Я никогда их не публиковала. Может быть, из суеверия – стихи тринадцатого года.

В одну из ночей, усыпив детей, я легла в своей комнате, выспаться посвободней. И вдруг во сне слышу четко прозвучавший голос: онкология. И будто я говорю: но у меня же два малолетних ребенка! Я не могу их оставить. И вот уже во сне бегу где-то над обрывом реки, зажав в руке ключ. И знаю, что это ключ от твоего тургеневского дома. Ну, слава Богу, решила я. Все обойдется. Нам отдали КЛЮЧ! А сон не забывался.

Помню, с каким нетерпением ждали ваших выходных дети и я, как мы прислушивались к гулу машин, как выглядывали ваш джип на дороге среди деревьев на той стороне. Как бежали дети к открывающимся воротам: «Папа приехал! Мама приехала!»

Наконец, наступил отпуск. Вы с Андреем переехали в тургеневский дом. Лето прошло очень хорошо. Приехала Саша, которая уже училась в Праге. Ты была здорова. Семейные посиделки, игры и чтение на улице, бадминтон, по вечерам всеобщая игра в «Монополию». Ты любила быть для детей четвертым партнером. А еще просмотр фильмов с тобой (последним уже в болезни мы смотрели в апреле или мае «Актрису» с Добровольской, одинаково реагируя на приколы и шутки, и только переглядываясь). А еще – караоке, ваши с Сашей английские, французские песенки, наши с тобой – белорусские: «Как хотела меня мать дай за першаго отдать...» Никитка с любимым «Наутилиусом», Георгий с «Ал-ла... бусы из карала». А тревогой нет-нет царапнет: «Но я хочу быть с тобой... врач мне сказал... а я хочу быть с тобой!»

И вдруг в середине августа начались лихорадки, боли, проверки, УЗИ в Институте урологии. 4 сентября в онкологии сделали операцию на мочеточник. Послали материал на предмет раковых клеток. Ты была в большой тревоге.

слабая после операции. Я молилась с тобой в палате, совершенно уверенная, что у нас все будет хорошо. Я вспомнила сон, рассказала тебе его в утешение, совершив естественную подмену, что это ты бежала с ключиком к своему дому, где тебя ждали твои дети и муж. Я бы и в жизни была рада совершить эту подмену, видел Бог..

Результат анализа пришел положительный. И началась наша последняя битва. Снова клиника в Кельне. Химия. Мы с няней сами заканчивали остановившийся ремонт, чтобы ты приехала в чистый дом. Ты приехала, и появилась надежда. Казалось, что мы выкарабкаемся. Ты ушла с работы, в 2014 году поехала на реабилитацию в Чехию. За тот, хоть и трудный год, удалось стабилизироваться. Поставленные стенты работали. С ними можно было жить. Новый год 2015-й ты встретила красивой и цветущей. Перед этим вы съездили в Москву к Таву, другу Андрея, на свадьбу. В Новый год ходили на большой прием к крестному Георгия. И вдруг уже в феврале резкое ухудшение... И все же ты жила изо всех сил. Как-то ты остановилась перед зеркалом и сказала мне: «Мама, у меня же еще такое сильное молодое тело, неужели оно не справится?» – «Справится, доченька, справится». Верой держались.

Однажды ты сказала мне: «Мама, ты не представляешь, как я счастлива своими детьми. Когда Гошик был маленький, я как-то лежала с ними в спальне на кровати, и вдруг такая нежность и восторг нахлынули, я обняла их, прижала: “Господи, ты видишь меня и детей моих. Если суждено что с ними случиться, пошли это мне, Господи!”» Может быть, ты, Олечка, и оградила их собою. И сейчас с Небес помогаешь им. И возносится ко Господу твоя любимая молитва о детях, святого преподобного Амвросия Оптинского, оставшаяся нам на страничках твоего дневника: «Господи, ты един вся веся, вся можеша и всем хоцеша спастися и в разум истины приити. Вразуми детей моих Александру, Никиту и Георгия, познанием истины Твояе и воли Твояе святыя и укрепи их ходити по заповедям Твоим и меня, грешную, помилуй!»

Клиники в Сеуле, потом в Минске, в Москве... С малейшим улучшением ты подключалась к жизни детей, старалась каждую минутку быть с ними. В сентябре 2015 года Гоша пошел в первый класс. Как тебя радовали его успехи! Его серьезное отношение к урокам. И как только тебе становилось лучше, ты хотела заниматься с детьми. Вникала в Никиткины дела, он заканчивал четвертый класс, начальную школу. После последней операции ты приехала из Москвы немного окрепшей, посвежевшей. И Гоша это заметил. «Мамочка, ты выздоровеешь, через день или через месяц», – сказал он тебе. Ты улыбнулась в ответ: «Выздоровлю, мой маленький, обязательно выздоровлю!»

Большой опорой во все последние месяцы болезни был для тебя настоятель нашего Тургеньского Свято-Михайловского храма отец Евгений. Ты очень любила его и предалась ему всей душою. За восемьдесят километров зимой, весной, летом он приезжал к нам. Какой бы ты ни была слабой, батюшка наш будто вдыхал в тебя силы – и они приходили к тебе с исповедью, с причащением – ты улыбалась. И меня беседы с ним успокаивали. Ведь надо было и работать, и дом вести, и детей со школою управлять. И как-то ты сказала мне: «Ты все о детях. Тебе меня не жалко?» Как же не жалко?! Слов таких нет, слез таких нет, чтобы оплакать наш рушащийся мир. Но я знала: ты уходишь в Отчий дом, откуда мы

все пришли. Я видела сон: будто спешу я куда-то по высокому берегу, и вдруг – такое счастье блаженства возникает во мне, какого я не знала давно или никогда. И где-то в небесах вижу лицо мамы. Но путь мой прерывается. Я уже на земле и ищу ту дорогу, по которой шла. Но то стена на пути, то лабиринт какой-то – заплутавшие тропы. Я рассказала батюшке сон, ведь церковь учит снам не верить. А отец Евгений сказал: «Господь приоткрыл вам». Видно, в утешение приоткрыл, поддержать мои слабые силы, мою веру, без которой все бессмысленно. Ведь ты во мне ее поддерживала, а я не смогла тебе быть той опорой, которую ты во мне искала.

Отец Евгений принял строгую схиму с переменной имени. Теперь он отец Варсонофий и не оставляет нас своим святым попечением. И молится своими святыми молитвами за тебя, как и мы семейно. Слава тебе, Боже наш, слава за все! Ты, наверное, слышишь наши молитвы и радуешься, доченька? Царствие тебе Небесное!

...Еще летом пятнадцатого при малейшем улучшении ты старалась петь с детьми. Да что там летом! Уже вернувшись из московской клиники, ты все-таки пела! Мне не хватает твоего голоса, Олечка, твоего ангельского, легкого, несказанного голоса. Наверное, я мало тебя во взрослой жизни звала Оленькой, Олечкой и доченькой, хотя на самом деле в душе моей это звучало. Сейчас мне остается только обращаться с этими ласковыми словами к твоему портрету. И к твоим детям – нашим детям: Сашенька... Никитушка... Гошенька...

Поддай мне, Господи, сил и любви к ближним!

СТИХИ ТРИНАДЦАТОГО ГОДА

ВЕТЕР

Иерехонской трубой надрывается ветер,
Над трепещущим садом верша свою власть.
Под разбойничий посвист скукоженный вечер
Обретаётся ночью, где просто пропасть.

Боже мой, боже мой, этот ветер не только
Гнет деревья дугою от самых вершин,
Он волнами накрыл меня памяти горькой,
Жизнь, такую надежную, разворошив.

Он листает года, перепулав страницы,
Ему радость не в радость, беда – не беда.
Боже мой, боже мой, всё любимые лица.
Отчего ж не хочу я вернуться туда?

Лет прошедших какой бы ни тронуть десяток,
Что завесою был так надежно укрыт, –
Боже мой, боже мой, если пир был так сладок,
Отчего же осадок теперь так горчит?

Только ты, только ты, мое позднее счастье,
Что пришло невпопад, что нашло наугад, –
Лишь к тебе сквозь разбойничий свист и ненастье,
Лишь к тебе я хочу возвращаться назад.

Завывают в ночи иерехонские трубы,
Но слышнее дыханье детей у виска.
Теплой детской макушки касаются губы, –
Боже мой, боже мой, жизнь сладка...

НОЧЬ

Переплыть бы эту ночь
Расходившейся стихии.
Пересилить, перемочь
Вопли, грохоты глухие.

Ни просвета в небесах,
Никаких ориентиров.
Косм отверзлый гонит страх
Над лежащим навзничь миром.

И в неведомых морях
Нашу углую лодчонку
Накрывает гиблый мрак,
Ей регочущий вдогонку.

И в душе темно, ни зги.
И вот-вот крушенья скрежет...
– Святой Крепкий, помоги!

И запели петухи.
Утра Свет Небесный брезжит!

КЛЮЧ

...Зажми этот ключик в руке.
По вязким ночным облакам
Беги поскорее к реке,
К высоким ее берегам.

Шумит неумолчно река,
И сплюшка бессонно кричит.
Где кончаются облака,
Там дом над рекою не спит.

И ты его двери открой,
Где ждут от велик до мала...
И Божия Матерь с тобой –
Она тебе ключ отдала.

ВСТРЕЧА

Средь непотребства нищего базара, –
Как в мороке каком или во сне, –
Платком повязана крест-накрест старым,
Вдруг девочка протиснулась ко мне.

Ополовинив горсть монет в кармане
(Еще других я обоготворю),
«Как звать тебя? – спрошу. –
Бежала б к маме!» –
И – Люба! – вслед за нею повторю.

Пошла ли я за ней иль лишь хотела
(Не заплутай, печальный ангел мой!),
То ль на нее, то ль на себя глядела,
Пустыней улетавшую домой.

Оставлена своей неожиданной гостьей,
Зажав монеты бренные, стою.
Подашь ли, Господи, мне Отчей горстью,
К Тебе влачу я нищету свою...

ВЗДОХ

Мама, вздох твой –
Лишний груз на плечи...
Ф. Унгарсынова

Там, где песок с весны сочится в щели, –
Арык заглох, –
Там слышен скрип тягучий колыбели.
Иль материнский вздох?

И там, где небо окунулось в очи
Березины,
Молитвы вздохи среди дня и ночи
Слышны.

Ах, вздохи мамы, – лишний груз на плечи –
Всё тяжелей.

Но отчего – без них – не стало легче,
А лишь больней?

...Где, где там пробивается сквозь тучи
Твой самолёт?
Вздых материнский облаком летучим
Вослед плывёт!

* * *

Оленьке

Птица певчая моя,
Голосок твой поднебесный,
Несказанное тая,
Где, в каком краю исчезнул?

Там лазурные поля,
Там цветочные поляны.
Боль утишилась твоя,
И звучит он осиянно.

Это Божий дивный край!
Там душе твоей гнездиться.
Поднебесной певчей птицы
Голоском к нам прилетай!

РЕКА

Укрыто небо пеленой,
Белёсой облачной шугой.
Просвет блеснет голубизной –
Небесной полыньей.

Там, где кочуют облака,
Течет небесная река.
Но как чиста и глубока –
Не знаешь ты пока.

